

Григорий Рутковский

СОН ДЛИННОЮ В СРОК

Григорий Рутковский

Сон длиной в срок

«Издательские решения»

Рутковский Г.

Сон длиною в срок / Г. Рутковский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853480-5

Так для кого же эта повесть и о чем она? Прежде всего она для тех, кто оказался волей судеб в местах не столь отдаленных. Для тех, кому тюрьма — не дом родной. Эта повесть для тех, кто никогда не был и не хотел, но волей обстоятельств стал преступником, или его таким сделала система. Эта повесть о боли, прежде всего души, которую испытывает человек, попав в зарешеточное зазеркалье, и о любви, ради и благодаря которой он живет, а не существует, даже вдали от самых близких людей.

ISBN 978-5-44-853480-5

© Рутковский Г.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Пролог	8
Часть 1.	10
Глава 1.	10
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сон длиной в срок

Григорий Рутковский

*Посвящается Танюше
единственной любимой женщине на свете*

Книга основана на реальных событиях.

Дизайнер обложки Ольга Третьякова

© Григорий Рутковский, 2017

© Ольга Третьякова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-3480-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Я так хочу прижать тебя к себе,
Что разрывает сердце это чувство,
Я так хочу остаться жить и быть в себе,
Чтобы потом им вдоволь насладиться.*

*Я так хочу быть нужным... не себе,
Отдав все до последней капли крови
Всем тем, кто бьется за меня в борьбе,
Стирая в клочья души и стапывая ноги,
Всем тем, кто ждет меня в мольбе,
Всем тем, кто помнит обо мне
Иль вспоминает просто добрым словом,
Я ТАК ХОЧУ, чтоб вы услышали ОБ ЭТОМ,
Что сердце разрывает это мне...*

*Но я живу, чтоб вам сказать – СПАСИБО!
Я так хочу, поверьте, это надо МНЕ!¹*

**«Помнить о боли, которую тебе причинили
и ничего при этом не чувствовать – это страшно. Страшнее, чем
переживать все снова и снова»²**

¹ «Я так хочу».

² Рэнд Айн. Источник.

От автора

Почему я решил все же написать это незначительное повествовательное произведение с легкой претензией на некую литературную шедевральность... Выйдя из тюрьмы, как у нас любят говорить, из мест не столь отдаленных, я понял, что я просто физически, психологически не смогу отвечать на бесконечные вопросы своих близких, друзей, знакомых, просто интересующихся, касающиеся моего пребывания в лучших и одновременно самых строгих следственных изоляторах современной России, к коим, без сомнения, относятся СИЗО, в народе именуемый Лефортово, и СИЗО ФСБ России в городе N с весьма подходящим ему эпичным названием «ковровое СИЗО». В силу своей эмоциональности, восприимчивости и, наверное, стоит быть до конца честным, душевной ранимости я просто не смогу каждый раз пропускать через свое сознание воспоминания о 486 днях, 12 150 часах, проведенных в стенах этих «замечательных» заведений, которые я до сих пор «с огромной любовью», аж до боли в сердце, величаю не иначе как санатории закрытого типа для спецконтингента, попасть в которые возможно по бесплатным путевкам, приобретенным в ФСБ, МВД, СК России...

Опыт общения с клетчатым собеседником – тетрадкой в клеточку, который всегда тебя выслушает, поймет и вытерпит самый ужасный и нелепейший бред, который придет в твое воспаленное сознание, я приобрел именно там... Как ни странно, даже в окружении самых близких мне людей, которые, я знал, всегда поймут и поддержат меня, я решил воспользоваться этим прозаическим методом и выплеснуть все, что скопилось у меня в душе за этот срок, и больше никогда не возвращаться к обсуждению этой темы, постаравшись стереть любые воспоминания об этом сне длиною в срок.

Для кого эта повесть? И, собственно говоря, о чем дальше пойдет речь?.. Я решил сразу ответить на этот вопрос, потому что по себе знаю, что для читателя крайне важно сразу, с первых страниц, понимать, что он найдет в читаемом произведении... Нет ничего хуже для читателя обманутых обещаний, которые он черпает подчас из совершенно бездарных хвalebных восклицаний, печатаемых на обложке той или иной книги, гордо именующей себе «БЕСТСЕЛЛЕРОМ»! Я знаю это не как автор, но как читатель, проглотивший за период своего принудительного оздоровления в санаториях закрытого типа 118 различных книг. С уверенностью могу сказать, что не все прочитанные мною книги оправдали мои ожидания, сформированные на основе тех самых хвalebных отзывов. Не хотелось бы по недоразумению попасть в число таких авторов.

Так для кого же эта повесть и о чем она? Прежде всего она для тех, кто, как и автор произведения, оказались волей судеб в местах не столь отдаленных, в следственных изоляторах. Для тех, кому тюрьма – не дом родной; для тех, для кого тюрьма – это прежде всего стресс, ужас, плач души, шрам на сердце и убийство индивидуальности, личности, человека... это клетка сознания, это падение ангела... возможно, и согрешившего ангела... Эта повесть для тех, кто никогда не был и не хотел, но волей обстоятельств стал преступником или его таким сделала система, безжалостно и беспринципно повесив на него соответствующую бирку со статьей Уголовного кодекса; для тех, кто, несмотря на все изуверство, творящееся за стенами с колючей проволокой и решетками, пытается остаться человеком, грубо не приемля законы зарешеточного зазеркалья с его А. У. Е.³, кумами, борами и другими атрибутами не их ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ, обычной, жизни...

Если ты из тех, кто решил встать на путь воровства, наркотиков, убийства или уже встал на него, если для тебя тюрьма – дом родной, выкинь эту повесть и никогда не бери ее в руки, пока не захочешь хоть что-то поменять в себе, стать человеком. Ничего сколь-либо интерес-

³ А.У.Е. – арестантский уклад един.

ного твоему интеллекту и сознанию ты в этой повести не найдешь: здесь нет постоянной грубой нецензурицины, здесь нет сцен насилия, так любимых вами и смакуемых до изнеможения и поросячьего визга. Для вас здесь нет ничего. Из-за таких, как вы, так как вас большинство, «мышинные камуфляжи»⁴ стали такими, какими стали, поддавшись вашим правилам игры, потому что управлять вами как стадом гораздо проще, чем просто думающими людьми, постоянно задающими неудобные вопросы: «Зачем и почему?» – как дети, ей-Богу. Они и сами не заметили, как превратились в погонщиков псов... в псарне.

Эта повесть об эмоциях, чувствах, страданиях обычного человека, для которого душа, сердце, разум умирают в стенах грязно-зеленого или ядовито-желтого цвета, окруженного бесконечным количеством фигур правильной геометрической формы, умирают от самого факта нахождения в них, вне зависимости от условий: хороших или сравнимых с выгребной ямой.

Каждый человек может стать зэком, но не каждый зэк способен остаться человеком. Самое тяжелое – это остаться самим собой, потому что система в действительности нацелена не на исправление «преступника», а на его уничтожение как личности, индивида, превращение в хорошо управляемое «стадо». К сожалению, это факт. И ты борешься с этим, чтобы не превратиться в неиндивидуализируемую частичку тюремной массы, сохранив в себе самого себя, не давая поразить свою душу зарешеточной инфекции полного очерствения и ненависти ко всему и вся.

Очень много написано современных книг о пребывании людей в тюрьмах, но в большинстве из них описываются в основном физические страдания. Мой опыт пребывания в этих учреждениях немного отличается от описанных в книгах. Если говорить о физических страданиях, то, безусловно, в лучшую сторону, а что касается души, то совсем не уверен. Объясняется это просто: если человек страдает физически, то все его существо борется с этим недугом, отодвигая на второй план любые душевные терзания. Существует четко выраженный механизм борьбы с физической болью – мобилизация организма. Цель – победа над болью за счет активизации человеческих способностей. И именно это занимает все твое сознание, не оставляя место душевным мукам и страданиям. Инстинкты физического самосохранения берут верх. Это может быть больно, страшно, но при наличии воли это понятно во всех своих проявлениях. У тебя есть враг, и этот враг – внешний. С внешним врагом бороться можно и нужно, и это естественно для любого существа. Победишь ты этого врага или сдашься, зависит только от тебя, от твоих физических и волевых качеств. А вот когда у тебя нет внешнего врага, нет физических страданий, тебя мучает, сгрызает изнутри только внутренний враг – душевные страдания. Как и чем с ними бороться? Как сохранить душу, сердце, не остервенеть, сохранить веру в людей, в любовь, в дружбу, в порядочность? Вот когда понимаешь, что такое душевные силы! Ты либо способен сохранить душевную целостность, либо нет. Но, так или иначе, отсюда невозможно выйти тем же человеком, каким ты попал сюда. К сожалению, и я уже не тот... Но у тебя есть выбор: либо быть лучше, чем ты был раньше, либо катиться вниз, превращая свою жизнь в ад. Находясь здесь, самое тяжелое – сохранить не физическую целостность, а душевный стержень. Невероятно сложно не сожрать себя изнутри, не сгореть, сохранить рассудок и не начать ненавидеть жизнь, судьбу и себя.

Эта повесть о тех и для тех, кто стал зэком, но остался или хотя бы стремится остаться человеком. Эта повесть о боли, прежде всего души, которую испытывает обычный человек, попав сюда... в зарешеточное зазеркалье, и, конечно, о любви, ради и благодаря которой он живет, а не существует... даже вдали от самых близких для его сердца людей.

⁴ Так называют сотрудников ФСИН России на воровском языке, языке А. У. Е.

Пролог

Узники, узницы, конвоиры, вертухаи, баландеры, хозбанда, мужики, козлы, смотрящие, воры, кумы, боры... Ощущение, что этот перечень никогда не закончится, ощущение, что этот перечень длиннее списка должностей государственной службы; ощущение, что все и вся в этой стране пропахло смрадом закованной лагерной жизни.

Двадцать первый век... Что изменилось? Были ГУЛАГом, остались ГУЛАГом... Даже не переделались и не переобулись. Посмотрите на карту страны, в которой мы, граждане, живем... точнее, выживаем или существуем, как молекула кислорода в воде, без единого шанса вырваться. Посмотрите – все это один сплошной лагерь! Лагерь, построенный в СССР, лагерь, доставшийся нам вместе с долгами СССР, лагерь, пахнущий смрадом, ненавистью, потом, болью и смертью!

Что изменилось?! Убрали ГУЛАГ? Нет, зачем?! Просто переименовали. Лучше бы оставили как было – ГУЛАГ – Главное управление лагерей. Хотя бы честно и понятно...

ФСИН... Не знаю, как у вас, а у меня стойкая ассоциация с собаками возникает... с психами.

Что изменилось? Мы стали честнее? Власть стала честнее, демократичнее, добрее? Нет... наоборот, если раньше политические преступники четко были политическими, то теперь они смешались с великой воровской братвой! Мошенничество и участие в организованном преступном сообществе, или чего похуже – организация того самого организованного преступного сообщества... статья 210 и статья 159 Уголовного кодекса Российской Федерации. Это уже классика... Я молчу про то, что состав преступления по этим статьям они вообще уже перестали доказывать. Лепят... Скульпторы, художники и великие сказочники. Я, когда читал свое обвинительное заключение, невольно задумался: вот ведь чертяка следак, как пишет-то, зачитаешься... ему бы романы писать... а он людей сажает!

А главное, господа хорошие, посмотрите-таки на эти уголовные элементы: сплошь губернаторы, мэры, генералы и даже министры... Не очень хочется напоминать, кто и как их назначает! Страшно...

Сразу почему-то вспомнился современный анекдотец:

«Вновь избранный председатель Государственной Думы Российской Федерации по фамилии Володин вступает в должность, открывает первое пленарное заседание. Один депутат из зала орет: „Ты хоть представься, фамилию скажи!“ Председатель ему отвечает: „Я же представился. Я – Володин“. А депутат ему в ответ: „Послушай, мы здесь все „Володины“. Ты фамилию скажи и все!“»

М-да... Вы вдумайтесь: 10 лет за 1 миллион рублей, за которые даже машину толковую не купить, про остальное и говорить нечего! 10 лет за 1 килограмм зерна! Это вы называете либерализацией уголовного законодательства и развитием принципов демократического общества. «Тебя посадят. А ты не воруй» – наверное, это единственно возможный ответ в этом случае.

М-да... у нас не демократизация развилась, дамы и господа, которые пока еще не в Парижах, у нас в нашей большой песочнице псинитизация развилась.

Простите мне столь эмоциональное начало моего повествования о днях, проведенных в стенах с геометрически правильными фигурами, в строгой и полной изоляции от общества, в стенах СИЗО, следственного изолятора. Закончить маленькое вступление хочется стихом, написанным в стенах зарешеточного зазеркалья, криком души, оставшимся так и не услышанным там, за стенами двухметровой толщины... в Лефортово:

Мне больно жить,

*Еще страшнее умереть,
Оставив такое вот потомкам,
А ведь я так хотел любить,
Творить историю,
Быть преданным ее ребенком.*

*Но нет, ее не возродить,
Пока псарня покрывает территорию.
Так хочется убраться, подмести,
Все к чертовой... снести.
Заставить снять их берцы, сапоги,
Мышиный пестрый камуфляж,
Поглубже в землю закопать
Спецсредства, чем дубасят нас.*

*Траву засеять...
Дать ей хоть чуточку взойти
И насладиться зеленью полей
Бескрайней территории страны своей,
Где, бегая за бабочкой с сачком,
Ты не рискуешь вляпаться
Иль быть измазанным дерьмом⁵*

⁵ «Мне больно жить».

Часть 1.

Зарешеточное зазеркалье

Глава 1.

«Оставь надежду всяк сюда входящий...»

Тюрьма – это черные дыры, в которых люди исчезают, не оставляя следа. Оттуда не проникает наружу никаких лучей света, никаких вестей⁶.

2 сентября 20_ года... День, который разделил мою жизнь на до и после...

Я проснулся от бесконечного дребезжания дверного звонка и стука в дверь. Такого мерзкого, противного настойчивого стука, отдающегося в каждой нервной клетке твоего тела каким-то невероятным, неподвластным осознанию, скрежетом... Так звонить и стучать могут только ОНИ... Это понимаешь мгновенно, и плевать, что не 37-й год... Это понимание в генах каждого жителя бывшего Советского Союза... Было 6 часов 18 минут...

– Гриша, что это? – удивленные, испуганные, немного заспанные глаза моей любимой смотрели на меня в упор.

– Солнце, я думаю, ОНИ пришли, с обыском. Не переживай. Главное, чтобы детей не будили.

Я спокойно надел халат и пошел их встречать... Совершенно бессмысленно описывать последовательность проведения обыска в нашей квартире. Ничего экстраординарного при этом обычном следственном действии не происходило. Я думаю, все прекрасно осознают, что само его проведение доставляет множество отрицательных эмоций, а воспоминание о нем вызывает неудержимое чувство брезгливости и отвращения.

Обыск закончили достаточно быстро. Дальше был многочасовой допрос, который закончился привлечением меня в качестве подозреваемого в совершении преступления по части 4 статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (мошенничество в особо крупном размере) и задержанием на 72 часа.

Отношение ко мне как к человеку закончилось с момента клацанья замка решетки в здании изолятора временного содержания (ИВС) и с фразы довольного добродушного славного опера Управления экономической безопасности МВД России по имени Виталий: «До свидания, Григорий Иванович». С этого момента я перестал быть «Григорием Ивановичем», а стал последовательно вначале подозреваемым, потом обвиняемым, подсудимым... и, в конце концов, осужденным. Кто хоть раз в жизни проходил эту удивительную трансформацию от личности к статусу, чьи права, дарованные тебе свыше Создателем, теперь регулируются уже не нормами морали, нравственности, Конституцией, а исключительно нормами УПК, УИК и всякими там инструкциями, тот никогда не забудет посетившие его в тот момент мысли: «Это какой-то кошмарный сон. Сейчас я проснусь и все будет как раньше!» Но сколько бы вы потом ни просыпались, сон почему-то не заканчивался. Какой паршивый длинный сон... сон длиною в срок! Погружаясь в этот сюрреалистичный сон, ты волей-неволей затягиваешь в него, как в воронку взорвавшейся водородной бомбы, всех своих близких и дорогих тебе людей, которые становятся участниками твоего «неосознанного» и «нежеланного» сновидения длиною в срок, хотя бы они этого или нет.

⁶ Робертс Г. Д. Шантарам.

– Че стоим? Лицом к стене, руки за спину, сумку в угол! – прервал мои мысли вопль дежурного. Назвать это голосом было достаточно сложно. Это был именно вопль недовольного жизнью человека. – Фамилия, имя, отчество?

– Рутковский Григорий Иванович, – достаточно спокойно ответил я, ибо сил противиться этому ханже в погонах капитана полиции просто не было.

– Год рождения, место рождения?

– 15 августа 1978 года, родился в Ленинграде.

– Какая статья?

– Не очень вас понял, капитан, а что значит статья? Я же не осужденный еще.

– Бл..., ты че, дебил, что ли? По какой статье тебя задержали и привезли сюда?

– Капитан, будьте любезны, – ответил я, собрав всю возможную жесткость, которая у меня еще осталась в душе, – выбирайте выражения. Где, позвольте вас спросить, вы здесь дебилов увидели?

– Если попал сюда, значит – дебил! – продолжил свой вопль дежурный капитан, но уже с явной примесью издевательского сарказма. – Так какая статья? Да, хе... с тобой, сам посмотрю в документах.

Затянувшееся молчание со стороны дежурного явно свидетельствовало о его попытках прочитать постановление, вспомнив при этом все свои недюжие навыки чтения, которым его, возможно, обучали только в школе. Точнее сказать, обучать-то его точно обучали, нас всех учили понемногу чему-нибудь и как-нибудь, а вот обучили ли, это осталось загадкой. Но, видимо, какими-то навыками угадывания букв и последовательного их складывания вначале в слоги, а потом в слова он все же обладал, ибо спустя несколько минут монолог дежурного продолжился:

– А-а-а-а... 159, часть 4, народная статейка... О-о-о-о-о... ничего себе, так тут к нам олигарх заехал, 100 миллионов спииз... л! Красавец! И хрен ли сидел тут, в этой жопе. Уехал бы давно за бугор.

В этот момент он оторвал свое мягкое место от стула и вышел ко мне, до сих пор стоящему лицом к стене с руками за спиной. Такого прекрасного, очаровательного амбре я не нюхивал со времен домашних вечеринок в период моего обучения в университете на юридическом факультете. Это был не перегар выпитого суррогата неизвестного происхождения вчерашнего вечера, это был свежачок. Хотя чему тут было удивляться, часы только что отмерили 2 часа ночи и неуклонно двигались по направлению к новой цели, к утру этого первого дня моего сновидения.

Как говорится, контакт состоялся. С этого удивительного амбре началось мое знакомство с закулисной жизнью подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, осужденных, объединенных одним жизненным фактом или обстоятельством: все они и я являлись заключенными, то есть лицами, так или иначе лишенными свободы. Хотя для кого-то тюрьма – дом родной, но мое дальнейшее повествование точно не об этих людях.

Свобода... что это? «...Что ты называешь свободой? Ни о чем не просить. Ни на что не надеяться. Ни от чего не зависеть»⁷. Свободны ли мы вне рамок заведений с решетками? Свобода души или свобода тела?

Вопросы по своей емкости достойные докторских диссертаций, философских учений. Но поверьте мне, каждый человек, впервые попав в ситуацию, когда за тобой клацнул замок решетки или брони⁸, мгновенно понимает, чего его лишили. И ему не надо читать докторские диссертации, быть самому академиком, быть ярым религиозным фанатиком или просто верующим человеком, для того чтобы мгновенно осознать, что такое свобода и чего его лишили.

⁷ Рэнд А. Источник.

⁸ Так называется дверь в камере.

Для каждого это понимание и ощущение сугубо индивидуально, но оно настолько ярко, что остается с тобой навсегда.

Меня лишили свободы... и физическая свобода, в смысле способность передвигаться куда хочешь и когда хочешь, – это самое последнее, о чем я думал в этот момент. Самым драгоценным и поистине невозполнимым становится утрата возможности в любой момент быть рядом, разговаривать, видеть, обнимать бесценных твоему сердцу людей. Их как будто «на живую» вырезают из твоего сознания, души, сердца кляцаньем закрывающейся за тобой двери. Никто не заботится в этот момент об обезболивании этой трепанации. Наоборот, осознавая прекрасно причиняемую тебе боль, сотрудники, в чью кровь уже вьелась псинитизация как неотъемлемый элемент, как эндорфин, без которого нет кайфа, нет жизни, любым образом пытаются усилить болевой синдром, дергая за хорошо им известные ниточки человеческой души. Этакие садисты от системы, получающие удовольствие от причинения тебе душевных страданий. И чем больше ты им это показываешь, тем обильнее их слюноотделение. Чем больше сопротивляешься и огрызаешься, тем больше узнаешь о своей персоне нового в выражениях, которые даже нецензурными назвать нельзя. Единственно верное поведение в этот момент – это полное отрешение от происходящего, в свой собственный мир, в свою бесконечную Вселенную, в свою душу. Счастливы те, чей внутренний мир богат и разнообразен. Хотя в действительности душа каждого человека, являясь частичкой нашего Бога, Создателя, ничем не ограничена. Надо только уметь ее раскрыть. Мы, будучи свободными, а правильнее сказать, находясь за пределами стен, в которых геометрически правильные фигуры в виде квадратов, прямоугольников, решеток являются основой, живем, не задумываясь о своей душе, не слыша ее вопли и стоны, отдавая пальму первенства разуму. Вспомните себя! «Слушай свой разум, а не сердце. Думай головой!» – это же девиз нашего существования. И только попав туда, в эти стены, мы вспоминаем о душе.

Отношение к человеку, попавшему в ИВС, СИЗО, лагерь, как к скотине проявляется буквально во всем, даже в названиях мест, где пытаются выжить люди, не превратившись в зверей, свиней или какую-нибудь живность: барак, отстойник, БУР, ЕПКТ, СУС, карцер, ШИЗО. Действительно, как скотобойня, а охраняют ее... погонщики псов.

Вот сюда меня и повел прекрасный капитан с очаровательным амбре вместо хотя бы запаха недорогой туалетной воды. Облапав мое еще не очень стройное тело, он произнес:

– Руки за спину, сумку взял. Ну что, олигарх, пошли в номера.

Признаюсь честно, пошли – это очень громко сказано. Мы сделали ровно четыре шага, после которых в мое сознание, засыпающее уже от усталости, врезались снова слова дежурного:

– Стоять, лицом к стене, сумку в угол.

Сухо щелкнул замок камерной двери, расстреляв последний кварк надежды на то, что это все-таки сон.

– Ну, че стоим, проходим! Располагайся, за тобой придут.

Все это было сказано с таким омерзительным удовольствием, какое, наверное, можно испытывать, когда ты тапком убиваешь жирного рыжего таракана, пытающегося скрыться с места преступления. На какой-то момент мне даже показалось, что от неконтролируемого экстаза у дежурного потекла слюна, сглотив которую с не менее омерзительным причмокиванием он захлопнул за мной «бронь». Но ведь мы не тараканы, а вы не «тапок» правосудия, за время взмахов которого вы успеваете провести следствие, суд и привести приговор в исполнение. Хотя, наверное, количество сбежавших от «тапочного» правосудия тараканов примерно равно количеству оправдательных приговоров в нашей стране. Эх... Хорошо живем в стране советов.

Очаровательная комнатуха, два на два метра, без окон, без скамьи. Слава Богу, свет все-таки горел. В этот момент ноги сами согнулись от усталости и возможности присесть, пусть на заплыванный и грязный пол, но все же присесть, облокотившись спиной на холодную стену.

Руки обняли подогнутые коленки, голова сама упала на них, и я погрузился, провалился в забытьё, некое подобие сна.

«Тюрьма – это храмы, где дьяволы учатся молиться. Захлопывая двери чьей-то камеры, мы поворачиваем в ране нож судьбы, потому что при этом запираем человека наедине с его ненавистью»⁹. Как жаль, что те, кто запирают тебя в камере и уж тем более кто принимают подчас абсолютно неоправданное решение запереть тебя в камере, не понимают этого, во всяком случае, до поры, пока сами не оказываются на месте заключенных под стражей. За время моего пребывания под стражей мне посчастливилось пообщаться и с генералами полиции, и с судьями, ранее пачками принимающими решения об отправке людей за решетку. Никто из них никогда не задумывался о справедливости, обоснованности своего поступка. Судьям даровано право, предоставлена возможность вершить правосудие, проявляя все свои лучшие человеческие качества – умение сострадать, любить, понимать и, конечно же, профессиональные качества – знание, опыт, а они, задвинув это на задворки, в самый далекий и темный угол, как роботы, штампуют свои решения, разрушая тем самым человеческие судьбы, не задумываясь о жизненном бумеранге. Так бесцельно расходовать свою жизнь, ломая жизни другим. Прямо хочется заорать словами героя из фильма «Гараж»: «Люди, люди... человеки», оглянитесь, что же вы делаете?! И тут же продолжить:

«– Человек – это тоже животное. Его тоже надо охранять.

– От кого?

– Человека надо охранять от человека».

Часов на руке не было, и сказать, сколько прошло времени, было просто невозможно, когда сухой щелчок замка камерной двери вывел меня из небытия. В отстойник зашел молодой парень. На вид ему не было и тридцати лет, и, по всей видимости, кто-то из его родственников имел корейское происхождение.

– Здорово, братуха! – с довольно веселыми нотками в голосе сказал он. – Какими судьбами? Что за беда? Кстати, меня зовут Мишаня, – выпалил он и с видом человека, явно находящегося в этой консервной банке не в первый раз, опустил свое молодое, но уже изрядно потертое тело рядом со мной.

Еще пребывая в некоторой полудреме, я пролепетал:

– Здравствуй, 159, часть 4. Будем знакомы, меня зовут Григорий. А у тебя какая статья?

– О... зачетная статейка к тебе прилипла! – с каким-то непонятным для меня восхищением подхватил Мишаня. – Ты че, первоход, что ли?

– В смысле в первый раз? – сразу не поняв, ответил я. – А, ну да, ну да... первый раз.

Тогда это был мой первый диалог с заключенным. Первый, но не последний. В принципе с небольшими вариациями на тему этот диалог повторялся всякий раз, когда на линии моей жизни в зарешеточном зазеркалье возникал новый человек. Это своеобразное американское: «How are you? Thank you, I am fine and you?» – вопрос, который задается для проформы, без действительного желания узнать, а как на самом деле у тебя дела.

Пройдя все стандартные процедуры, к коим относился личный обыск (шмон), катание пальчиков (дактилоскопия), заполнение анкеты, меня подняли в мое временное жилье, срок пребывания в котором не должен был превышать 72 часа. Так и получилось...

Образ Мишани заслуживает отдельного описания. Во-первых, потому что, так или иначе, он был первым заключенным, с которым столкнула меня жизнь, во-вторых, он по своей сути олицетворял в себе некую романтическую натуру вора-идеалиста, тянущего свою воровскую лямку без злобы, без ненависти, а даже с некоторым налетом душевного отношения к своей

⁹ Робертс Г. Д. Шантарам.

деятельности как к любимой работе, а в-третьих, потому что впоследствии именно Мишаня разъяснял мне некоторые особенности пребывания в «лечебных учреждениях» типа СИЗО, начиная от понятий и принципов, по которым в них существуют заключенные и администрация, заканчивая трактовкой совершенно неизвестных мне фразеологизмов, в простонародье именуемых «фней».

Загремел Мишаня в очередной раз по статье 158 Уголовного кодекса РФ, то есть за банальную кражу. Это была уже вторая ходка Мишани и, видимо, не последняя, ибо отношение его к этому роду деятельности было не как к случайности, а как к работе, выполнять которую надо постоянно и тщательно, но иногда позволяя себе отпуск в таких «лечебных учреждениях», как СИЗО, с последующим направлением в пансионат лагерного типа.

Ему еще не было и тридцати лет, улыбающийся, неунывающий, излучающий позитив. Мне почему-то стало интересно увидеть его лицо при совершении преступления в виде тайного хищения чужого имущества. Уверен, доброжелательная, слегка виноватая улыбка с его лица не сходила. Этаким голубой воришка из бессмертного произведения Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Я не мог даже на секундочку вообразить себе, что тайное хищение чужого имущества, кража, могло бы в результате перерасти в открытое, то есть в грабеж. Слишком уж это не сочеталось с образом этого открытого парнишки, уже, как это ни странно, с радостью хлебнувшего режим пансионата общего режима. Мишаня остался верен своей профессии и nedozvolennuyu линию между кражей и разбоем так и не переступал.

На следующий день был суд по избранию мне меры пресечения. Судом это сложно назвать, скорее судебный фарс. Следователь откровенно завирался, прокурор вообще материалов не читал. Судья сидел со скучающим, абсолютно безразличным лицом, и то, что перед ним человек со своей судьбой, которую росчерком пера он в одно мгновение может переломить, его ни секунды не заботило. Одним больше в тюрьме, одним меньше, какая разница! С него все равно никто никогда не спросит о правосудности и обоснованности этого решения, так зачем тогда думать, вникать? Действительно, «тапочное» правосудие... стук... бах... поехали на первые два месяца в СИЗО... следственный изолятор города N.

Через несколько часов я уже сидел в воронке с 11 такими же арестантами, следующими из изолятора временного содержания (ИВС) в СИЗО. Сказать, что мы находились как селедки в бочке, – это ничего не сказать. В отделении в машине, которая предназначена для 4 арестованных, нас запахали 11 человек, и 10 из них курили. Я не курил, хотя в тот момент я осознал, что лучше бы я все-таки курил.

По всей видимости, в воронке (автозаке) я был единственным человеком, так или иначе ощущающим дискомфортное состояние. Все остальные были настолько беззаботны и счастливы, что их эйфорийное состояние периодически цепляло и меня, и волей-неволей я улыбался, смеялся и даже шутил. «В тюрьме приходится улыбаться с осторожностью, потому что хищные люди считают улыбку слабостью, слабые люди рассматривают ее как приглашение, а охранники – как повод сотворить какую-нибудь новую пакость»¹⁰.

Казалось, что пребывание в этих нечеловеческих условиях, откровенно говоря, абсолютно антисанитарных условиях, доставляло им удовольствие, такое же, как нахождение в бане в парилке, что по температурному режиму было практически сопоставимым. Туберкулезники, наркоманы, ВИЧ-инфицированные... все в одном отделении, при температуре на улице +25 градусов, а внутри все +50. Все начали раздеваться, и запах, точнее, вонь от немых потных тел заполнила каждый кубический миллиметр пространства. Смесь вони этих тел и курева... Я еле сдерживал рвотные позывы, зажмурившись, чтобы к вони не добавлялась визуальная картинка текущих потных наркоманских тел, покрытых язвами от употребления

¹⁰ Робертс Г. Д. Шантарам.

такого наркотика, как «крокодил», постоянно почесываемыми грязными ногтями. Казалось, что этим смрадом пропиталась каждая молекула моего тела, и только искрометный юмор Мишани хоть как-то освежал и спасал ситуацию.

Боюсь даже представить, что было бы с человеком, страдающим легочным или сердечным заболеванием. Скорее всего, живым бы он оттуда не вышел, его бы вынесли, и то только при разгрузке воронка в СИЗО, ибо до этого вряд ли кто-либо обратил бы на его истошные всхлипы хоть какое-то внимание: стоял невообразимый галдеж, а стучать в дверь воронка было бесполезно, потом что, закрыв нас в воронке, «уважаемые» конвоиры решили пойти перекусить.

Молодняк преступного мира, видимо, каким-то образом пытаюсь подражать своим воображаемым кумирам, решил «почифирить» весьма оригинальным способом: они жевали чай и запивали его кока-колой. Парадокс, но, глядя на них, мне показалось, что они получают несказанное удовольствие, кайфовали. Вот только непонятно, от самого процесса поглощения этой дичайшей смеси или от подражания своим кумирам. Рассказывая впоследствии эту замечательную историю бывалому сидельцу, у которого за спиной уже было три ходки, начиная с конца 80-х годов прошлого столетия, я узнал от него, после того как он изрядно посмеялся, чему они все-таки пытались подражать, как говорится, «слышу звон, да не знаю, где он». Оказывается, заключенные, находясь на этапе, в процессе которого ты фактически не имеешь возможности сходить в туалет и удовлетворить ВСЕ физиологические потребности, кроме как избавление от излишне накопившейся жидкости в твоём организме, спасаются тем, что жуют черный чай, но не запивают его водой и тем более кока-колой, а проглатывают после тщательного разжевывания со слюной. Видимо, молодняк, услышав об этом, но не зная, для чего это делают, решил показать свою осведомленность.

Последствия не заставили себя долго ждать: буквально минут через 30—40 у них начались первые позывы выплеснуть наружу продукт переработки кока-колы, выпили-то ее немало. Начался всеобщий ажиотаж по поводу необходимости испражниться «по-маленькому». Воронка закачало не «по-детски». Выйти, конечно, не дали, но примерно через полтора часа мы поехали по направлению в СИЗО.

Стандартная выгрузка, отстойник, ожидание...

Помещение, в котором мы находились, имеющее корни животного происхождения и именуемое отстойником, конечно, было больше, чем отсек в воронке, но ненамного. Окон, скамеек или еще каких-либо атрибутов буржуазной роскоши в данном помещении не наблюдалось. Пол при этом, безусловно, был бетонный, стены грязно-зеленого отвратительного цвета, при одном взгляде на которые накатывало депрессивное состояние. Единственным оплотом цивилизации в этой собачьей конуре была тусклая «лампочка Ильича», служившая, по всей видимости, аналогом света в темном царстве зарешеточного зазеркалья, напоминая нам о том, что мы все же находимся в выгребной яме, заполненной дерьмом, отходами, отбросами человеческого общества, то есть, собственного говоря, нами, а не в подобию созданного человеческими руками сооружения, у юристов обычно фигурирующего под обобщенным названием «недвижимость».

В этой недвижимости размером 3 на 2 метра присутствовало 11 человек, жутко желающих «излить свою душу» в долине¹¹ грез. Не надо иметь способность к воображению для того, чтобы хотя бы на секунду представить, что было бы, если бы они реализовали свои намерения. В отстойнике начался кипиш¹². Несколько наиболее активных «жителей» этой недвижимости стали долбиться в бронь¹³:

– Эй, начальник, давай выводи на дальняк, а то мы все твои стены обоссим. Трубы лопаются уже!

¹¹ На жаргоне А. У. Е. «долина» означает туалет.

¹² Суeta, беспорядок, волнение, паника.

¹³ Дверь в камеру.

Постепенно всех сводили в туалет. Возвращавшиеся из долины грез излучали такое удовольствие и умиротворение, как будто им сбросили как минимум половину срока заключения. Вот что делает человека счастливым... в ситуации, когда он низложен до уровня обыкновенного животного. Одновременно, чтобы мы не забывали, что мы находимся в волшебной стране, картинку дополняла необыкновенная живность, которая постоянно шевелилась, ползала и при этом еще и летала. Как оказалось, в этом мире способный ползать все же вопреки принятым представлениям может очень даже хорошо и летать. Рыжие создания размером сантиметров 5 минимум, а может, и более показывали нам свои способности, не позволяя нам ни скучать, ни расслабиться. Внешне они чем-то напоминали тараканов, но их размер не мог не изумлять. Забавно, что убивать их по негласным тюремным нормам нельзя, ибо они такие же сидельцы-страдалицы, как и все остальные. Эти удивительные создания гордо именовались крытники.

Слава Богу, кока-кола и чай у них закончились и дальше последовал неспешный разговор ни о чем, а точнее, о том, у кого какая беда¹⁴, как замели и что делать дальше. Поддержать этот наполненный неизвестными для меня фразеологизмами разговор, похожий на беседу академиком зарешеточного зазеркалья, я, к сожалению, не мог. На тот момент таким наукам обучен не был... то ли дело сейчас.

Следующими обязательными процедурами, в которых мне посчастливилось принять участие, были взятие крови и дактилоскопия. Все бы ничего, если бы не пара «но», которые заставили трепетать каждую клеточку моего сознания, невероятно поразили и убедили меня в исключительном очаровании нашей пенитенциарной системы.

Кровь брали из вены, но, как выяснилось, не у всех они были приспособлены для этого – сказывался долгосрочный наркоманский стаж. У кого их не было на руках, кровь брали из паха, причем не медсестра, а сами арестованные, тут же, сидя в уголке клетки, в присутствии всех остальных. Честно говоря, медсестра, больше похожая на доярку, при осуществлении этой весьма несложной процедуры то и дело промахивалась мимо вен, но, что поразительно, ни разу не поменяла свои одноразовые перчатки. Я посмел предположить, что ее внутренняя глубокая убежденность касательно одноразовости перчаток была в том, что одноразовыми они являются для нее, а не для нас. Про размер шприца в 20 миллилитров и иголку, с помощью которой было бы целесообразней брать кровь из вены слона, наверное, стоило бы промолчать... видимо, это норма для обычных централов. Глядя на все это антисанитарное безобразие, я уже не удивился бы, если бы у меня что-то нашли, потому что дать гарантию, что колбочка, куда переливали мою кровь из шприца, да и сам шприц являются абсолютно стерильными и одноразовыми, но не в понимании медсестры-дойрки, а действительно одноразовыми, я думаю, не мог бы никто, включая «хозяйку»¹⁵ этого оздоровительного учреждения.

С горем пополам все прошли эту процедуру отдачи государству на анализ своей низкопробной преступной крови. Это заняло каких-то пару часиков. Но... «стрижка только началась». Далее следовала не менее увлекательная процедура отбора отпечатков пальцев – дактилоскопия. Откровенно сказать, я порадовался тому, что принято снимать отпечатки только пальцев и ладоней, а не со всего тела: ног, щек, ушей и т. д. В противном случае все бледнолицые братья-преступники превратились бы в чернокожих незнакомцев из песни Леонида Агутина «Не похожий на тебя, не похожий на меня, просто мальчик чернокожий». Забавность процедуры сводится к тому, что после ее окончания тебе никто не предлагает возможность вымыть руки или хотя бы вытереть их салфеткой: что за барство! Для процедуры очистки рук есть слюни и штаны или футболка. Не нравятся слюни и штаны, терпи, внизу в комнате жи-

¹⁴ Статья уголовного кодекса, по которой лицо привлекается в качестве подозреваемого или обвиняемого или по которой оно уже осуждено.

¹⁵ Хозяйка – начальник следственного изолятора.

дания есть туалет, а там вода... в дырке, черпай ладошками. Что, тоже не нравится? Ну тогда ходи чумазый!

Спасло меня чудо: у меня были влажные салфетки, заботливо положенные в сумку моей любимой супругой.

– Начальник, водички бы попить, – послышался голос Мишани.

Через 5 минут нам принесли 2-литровую бутылку воды, одну на всех. У меня нашлось несколько пластмассовых стаканчиков, тут же разлетевшихся по рукам арестантов. А хотелось не только водички, хотелось и есть, и горячего чая. Смекалка Мишани поразила меня в очередной раз, или это все же опыт, приобретенный им после первой ходки. Бутылка из-под кока-колы была мгновенно превращена в емкость, напоминающую банку. Оставалось дело за малым – сделать кипятильник. В ход пошли спички и фольга. Две минуты – и вуаля... кипятильник готов. Через 15 минут крепкий и горячий чай был разлит по имеющимся емкостям, но закусывать его уже было нечем. Одиннадцать голодных ртов сожрали все запасы, которые у них были.

Потом настала очередь шмона¹⁶, и только после этого нас разместили по хатам¹⁷ в карантин¹⁸. «Счастливые часов не замечают» – это как раз было сказано про нас, ибо после этого невероятного вертепа возможность прислонить свою голову к некоему подобию подушки показала счастье.

Осознание мерзопакостности того места, в которое мы были помещены на период карантина, пришло только утром: «двухместные апартаменты класса делюкс со всеми удобствами в номере». Камера 09...

В 6 утра в камеру залетели с проверкой, с деловым видом постучав по металлическим кроватям, на тюремном языке называемым шконками. Еле-еле продрав свои глаза, я практически мгновенно прозрел. То, что предстало перед моими очами, было способно надломить мою психику. Я никак не мог понять, неужели в XXI веке можно так относиться к людям. Но в tomto и дело, что за людей, видимо, в этом «лечебном учреждении» нас никто уже не считал. Клетка, в которой мы находились, действительно, больше подходила для содержания скота, нежели людей.

До этого момента я никогда не задумывался, как влияет цвет стен на твоё психологическое состояние. Но когда я увидел стены... обшарпанные, с висящими лохмотьями краски, цвет которых невозможно передать словами... ядовито-грязно-зеленый, по которым в разные стороны разбежались крытники, я с содроганием подумал о том, как я провел первую ночь в этой выгребной яме. У меня сложилось впечатление, что в этой камере никто и никогда не убирался со времен постройки этого СИЗО, то есть более ста лет, и было совершенно непонятно, что заполняло пространство нашего временного жилища: воздух с примесью пыли или все же пыль с вкраплениями молекул кислорода. Дышать было невероятно тяжело, несмотря на то, что окно в камере было открыто. Точнее сказать, оконная рама вообще отсутствовала: решетки изнутри, решетки снаружи и никаких тебе излишеств в виде стеклопакетов. На лето в обычных централах рамы из оконных проемов удаляются совсем. Странно только, что лето у них начинается 15 апреля, а заканчивается 15 ноября. Прямо как в анекдоте: а вот такое, папа, фиговое лето!

Пол в камере был деревянный, при этом половина досок шатались в разные стороны, и их просто можно было поднять и обнаружить места для тайников, куда, по всей видимости, пря-

¹⁶ Шмон – обыск.

¹⁷ Хата – камера.

¹⁸ Карантин – первая камера, в которую попадает заключенный до получения результатов его анализов и до помещения его в общую камеру. Обычно длительность пребывания в карантине составляет 7–10 дней. Свое название он получил из медицинской терминологии и предназначен для профилактики инфекционных заболеваний – если у заключенного имеется какая-то инфекция, то она себя проявит локально, среди ограниченного количества людей в первую неделю-две, не распространившись по всей тюрьме.

тались запреты¹⁹, чтобы их не обнаружили при шмоне. Туалет был... но пользоваться им было невозможно, потому что банально отсутствовала гофра, соединяющая фановую трубу и выходное отверстие унитаза. Можно себе представить, что произошло, если бы мы все же воспользовались ночью этим шедевром человеческой мысли. Свет в темном царстве тюремного зазеркалья нам обеспечивала все та же одиноко горящая тусклым светом «лампочка Ильича». Все мое сознание переполняло желание хоть как-то убраться, но ни тряпок, ни веника, ни тем более тазика для воды в камере не было.

Кое-как я пережил первый день, в основном проведя его за чтением книги.

Тюрьма живет ночью... теперь я понимаю, что это значит. Пришлось познакомиться вживую с такими неотъемлемыми явлениями тюремной жизни, как кони, дороги и баланда.

Откровенно говоря, не хочется уделять описанию этих явлений тюремной жизни много внимания. Но не сказать пару слов о них тоже нельзя.

Тюрьма – это огромный живой организм, управлять которым возможно только посредством строго установленных правил и системы управления. Тюремную структуру управления можно вкратце описать следующим образом:

Положенец – лицо, назначенное ворами в законе, в чьи основные обязанности входит следить за состоянием дел в тюрьме со стороны воровского сообщества, по сути, главное лицо в СИЗО, аналогично генеральному директору в компании.

¹⁹ Запрещенные в тюрьме вещи (телефоны, наркотики и т. д.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.